

А.А. Аузан

*д.э.н., профессор, декан Экономического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Я.Д. Лепетиков

*аспирант Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва)*

Д.А. Ситкевич

научный сотрудник Института национальных проектов (Москва)

КОЛЕЯ И МАЯТНИК: ВЛИЯНИЕ ЛОВУШКИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ НА ДИНАМИКУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Данная работа посвящена способности ловушки предшествующего развития («эффект колеи») оказывать влияние на динамику институциональных изменений. За последние десятилетия концепция «эффекта колеи» получила широкое распространение в экономической литературе. Однако то, как и почему институты могут, не сходя с колеи, претерпевать изменения, остается вопросом, на который пока нет ответа. В статье предлагается теоретическая модель, объясняющая, почему исторически сложившаяся институциональная среда даже в случае своей неэффективности способна самовоспроизводиться, а попытки её изменений принимают маятниковую форму. Связано это с тем, что институты, ограничивающие доступ на экономический и политический рынок, могут использоваться для извлечения элитами ренты, тогда как экономически более эффективные институты открытого доступа могут снижать её доходы или увеличивать риск потери власти. В то же самое время снижение барьера для независимых от элит экономических и политических организаций приводит к более высоким темпам экономического роста и меньшим расходам на аппарат насилия. Из-за этого возникает «эффект маятника» — в период более высоких барьеров для независимых организаций возникают предпосылки для их смягчения (экономический спад, чрезмерные государственные расходы) и наоборот. Полный же выход из колеи возможен в тех случаях, когда граждане предъявляют больше спроса на институты открытого доступа (так как это увеличивает расходы на организацию насилия) и когда у элит появляются стимулы для заключения внутриэлитного соглашения об ограничении использования аппарата насилия. В качестве примера работы «эффекта маятника» в статье приводится последний век существования Российской империи, в которой длительные периоды реформ (к примеру, начало царствования Александра II) увеличивали риски потери власти, из-за чего правительству приходилось ужесточать политический режим, а долгие периоды контрреформ (к примеру, царствование Николая I) — к экономическому и технологическому отставанию и росту издержек на подавление недовольных, из-за чего правительству приходилось смягчать объем репрессий и барьеров для независимых организаций.

Ключевые слова: ловушка предшествующего развития, эффект колеи, эффект маятника, институциональная трансформация, порядок ограниченного доступа, порядок открытого доступа, спрос на институты.

JEL: E02, N13, O43.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47.

Введение

За более чем 35 лет с того момента, как П. Дэвид сформулировал понятие «ловушки предшествующего развития» [David, 1985] (в русскоязычной литературе для его обозначения часто используется выражение «эффект колеи» [Аузан, 2007]), анализ описываемого явления вошел в активный обиход исследователей в сфере социальных наук, а также публицистов и экспертов. Концепт ловушки предшествующего развития, объясняющий влияние событий, произошедших в прошлом, на ситуацию, имеющую место в настоящее время, используется при изучении многих экономических закономерностей — от того, почему отдельные фирмы сохраняют устоявшиеся, но неэффективные практики, до причин специализации определенных регионов на конкретных отраслях экономики [Schreyögg, Sydow, 2009].

Впрочем, в российском академическом дискурсе о «колее» более всего принято рассуждать в отношении институциональной среды. Об этом свидетельствует значительное число работ представителей разных отечественных научных школ (см., например, [Marichev, 2020; Корнейчук, 2016; Нуреев, 2010; Олейник, 2011]). Связано это с тем, что эффект колеи является одним из объяснений низкого качества институтов в России — многие из появившихся в прошлом неэффективных норм остаются без изменений из-за мощной институциональной инерции и стремления групп интересов сохранить наиболее выгодные для себя правила. Так, сформировавшиеся ещё в эпоху Московского княжества институты самодержавия и крепостничества оказались настолько устойчивыми, что их аналоги и подобию воспроизводятся в нашей стране до сих пор [Аузан, 2007].

Однако внимательное изучение динамики институциональных изменений в России не позволяет говорить о том, что существующий набор норм и правил полностью предопределен прошлым. Во-первых, те институты, что воспроизводятся в институциональной среде из поколения в поколение, при сохранении своей внутренней логики всё же мутируют и претерпевают изменения. Так, хотя трудовые отношения в моногородах и с трудовыми мигрантами основаны во многом на тех же принципах, что и отношения между помещиком и крестьянами, массового закрепощения рабочей силы на определенной территории в современной России нет. Во-вторых, история показывает, что лицам, принимающим решения, зачастую удается преодолеть инерцию и совершить институциональные изменения. При этом в России попытки изменений принимают маятниковую форму [Аузан, 2007] — либерализация политической и экономической системы («оттепель») сменяется ужесточением («заморозками»), сопровождаемым попыткой «авторитарной модернизации»¹ и наоборот. Хотя многие из проводимых реформ позже откатываются назад, некоторым из них удается интегрироваться в существующую институциональную среду и даже стать частью «колеи».

Из вышесказанного следует, что институциональная динамика содержит в себе два разнонаправленных процесса. С одной стороны, в ходе реформ возможна трансформация институциональной среды, с другой — эти реформы зачастую оказываются слабее существующей институциональной инерции, из-за чего исторически сложившиеся нормы продолжают свое существование, отторгая (пусть порой и не сразу) правовые новеллы. Однако, чем именно объясняются эти процессы, почему даже вопреки совершенным реформам исторически возникшие институты способны воспроизводиться, и есть ли выход из колеи? Именно этим вопросам и посвящена данная статья.

Далее работа структурируется следующим образом. В первой части речь пойдет о существующих в научных работах подходах к изучению ловушки предшествующего раз-

¹ Под «авторитарной модернизацией» подразумевается политика государства, направленная на форсирование экономического роста за счёт государственных инвестиций при ограничении экономических свобод.

вития, к объяснениям причин устойчивости «колеи» и факторов, способствующих «схождению» с неё. Во второй части нами будет представлена модель, объясняющая «эффект колеи» на макроинституциональном уровне. В третьей части на основе свидетельств из российской истории будет показано, как именно работает описанная выше модель в реальности, после чего следует заключение.

«Эффект колеи»: история концепции и современные трактовки

Как уже отмечалось во введении, впервые в экономической литературе влияние предшествующего развития на настоящее отметил П. Дэвид [David, 1985] на примере технологических стандартов. Хотя многие технологические решения не являются оптимальными (например, QWERTY-раскладки клавиатуры вместо раскладки Дворака), они продолжают применяться большинством пользователей. Связано это с издержками переключения на новые стандарты — та выгода, которую может дать использование наиболее эффективной технологии, оказывается ниже, чем затраты, связанные с переучиванием пользователей и заменой оборудования. Данное явление, как известно, Дэвид назвал QWERTY-эффектом.

Вскоре обнаружилось, что история имеет значение не только в сфере технологий. Так, данная концепция достаточно скоро стала использоваться экономическими географами и исследователями кластеров для объяснения того, почему определенные отрасли экономики исторически концентрируются в определенных странах и регионах [Martin, Sunley, 2010]. Однако наибольшее распространение идея важности предшествующего развития получила в новой институциональной экономической теории. Связано это с двумя причинами. Во-первых, как показал Д. Норт, ныне существующие институты серьезно зависят от того, как они складывались в прошлом, ибо институциональная инерция препятствует изменению как формальных, так и (особенно) неформальных норм и правил [North, 1990]. Во-вторых, как позже обнаружил сам Дэвид [David, 1994], именно институциональная инерция является первопричиной QWERTY-эффекта. Связано это с тем, что институты выполняют координационную функцию, и люди при неизменности институциональной среды из предложенной им альтернативы скорее выберут привычный им вариант.

Важное изменение, которое привнесли неоинституционалисты в изучение влияния предшествующего развития, — это описание QWERTY-эффекта как проблемы и ловушки. Если первые исследователи лишь фиксировали влияние прошлого на настоящие, не давая ему оценок, то, начиная с Норта, экономисты стали использовать данную концепцию в первую очередь для описания неэффективных равновесий [Vergne, Durand, 2010]. Тогда же о влиянии прошлых событий на текущий выбор альтернатив стали говорить в логике «ловушки предшествующего развития», для которой характерно нахождение в субоптимальном равновесии и невозможность его покинуть из-за «эффекта блокировки», создающего чрезмерно высокие издержки изменений [Liebowitz, Margolis, 1995].

Именно эффект блокировки был основой первых теоретических моделей ловушки предшествующего развития, которые Г. Шрёвоггом и Й. Сыдовым были описаны как «модели Дэвида-Артура» [Schreyögg, Sydow, 2010]. Согласно этим моделям, колея развития образовывается тогда, когда определенное историческое событие подталкивает акторов к выбору определенного пути развития. Чем дольше этот путь остаётся устойчивым, тем меньшее количество альтернативных путей может быть выбрано, так как издержки переключения становятся всё выше и выше. Наконец, в критической точке срабатывает эффект блокировки — и после неё переход на любой другой путь развития оказывается невозможным. Впрочем, ранние модели ловушки предшествующего развития, как отмечают Р. Мартин и П. Санлей, имеют некоторые методологические упрощения. Так, в них подразумевается наличие определенного неизменного равновесия, хотя в реальности мы

можем наблюдать «динамичный открытый исторический процесс, посредством которого технологии, отрасли и институты развиваются по складывающимся траекториям» [Martin, Sunley, 2010. Р. 18]. Поэтому для описания «эффекта колеи» на уровне институциональной среды лучше подходит разработанная Мартином и Санлеем эволюционная модель ловушки предшествующего развития.

Ключевое отличие эволюционной модели от её предшественников заключается в том, как в ней описывается эффект блокировки. Если для ранних модификаций модели эффект блокировки выступал некоторым капканом, из которого невозможно совершить движение без сильного внешнего шока, то в эволюционной модели попадание в ловушку предшествующего развития не означает консервацию институциональной среды. Исторически сложившиеся нормы, согласно Мартину и Санлею, могут претерпевать изменения в результате действия акторов, однако масштаб этих потенциальных изменений достаточно ограничен, что связано с эффектом блокировки в трактовке эволюционной модели — любые институциональные изменения создают издержки, которые тем выше, чем серьёзнее реформы. Именно из-за этого предшествующее институциональное развитие имеет значение — оно оказывает влияние на меню существующих институциональных альтернатив и создаёт стимулы выбрать те из них, которые будут наиболее похожи на существующие нормы.

Более наглядно принцип работы эволюционной модели ловушки предшествующего развития представлен на рис. 1. Как видно на рисунке, попав в «колею развития», институт, тем не менее, подвергается регулярным мутациям, связанным с попыткой достичь оптимального состояния. Эти мутации, впрочем, не обязательно должны осуществляться в направлении, ещё более отдаляющем институт от отвергнутых в прошлом вариантов развития. Возможен также процесс «ригидизации» — постепенной мутации института к тому состоянию, в котором он был до возникновения «колеи». При этом ригидизация из-за эффекта блокировки, так же, как и остальные мутации, происходит крайне медленно и по непредсказуемой траектории. Более того, данный процесс по мере эволюционного развития может смениться укреплением сложившейся колеи развития.

Рис. 1. Эволюционная модель ловушки предшествующего развития

Источник: [Martin, Sunley, 2010, с. 19].

Впрочем, нельзя сказать, что эволюционная модель ловушки предшествующего развития даёт ответы на все вопросы. Так, согласно модели институциональные мутации носят случайный характер. Однако в отличие от генетических процессов изменения норм и правил происходят не по принципу естественного отбора, при котором сохраняются наиболее эффективные комбинации, а по воле лиц, принимающих решения, и их мотивации стоит учитывать при описывании ловушки предшествующего развития. Более того, как отмечалось выше, для институциональной среды характерна «маятниковость» изменений

при сохранении четко выявляемой колеи развития, хотя в базовом виде эволюционная модель не даёт объяснения данному феномену. Именно поэтому далее нами будет предложена новая модель ловушки предшествующего развития, в которой будут объяснены причины и направления институциональных мутаций.

Для построения новой версии модели стоит понять причины, по которым возникает эффект блокировки и благодаря которым он может быть преодолен. Что касается первого вопроса, то устойчивость колеи, как отмечает Норт [North, 1990], во многом связана с высокими транзакционными издержками, возникающими при попытке совершить институциональные изменения. Это, согласно Дж. Махонею и К. Теллен [Mahoney, Thelen, 2009], приводит к тому, что если трансформация институтов и происходит, то «внутри колеи»: при изменении интерпретации и отдельных аспектов правил их основные положения остаются неизменными. В качестве примера этого Г. Морган и И. Кубо приводят британскую Палату Лордов [Morgan, Kubo, 2005]: хотя за несколько веков её существования отдельные принципы её формирования претерпели изменения, данный орган власти при всём анахронизме по-прежнему остаётся частью политической системы Соединенного Королевства. Связывают они это с тем, что частичная трансформация института гораздо менее затратна с точки зрения трансформационных издержек, чем его полная ликвидация и замена новым.

Другая важная причина — интересы акторов. Институты играют не только координационную, но и перераспределительную роль. Из-за этого могут возникать группы интересов, заинтересованные в сохранении неэффективных для общества в целом норм и правил, позволяющих извлекать ренту [Vergne, Durand, 2010]. Более того, политические акторы, по мнению В. Гельмана и его коллег [Gel'man, Travin, Marganiya, 2014], склонны воспроизводить институты прошлого (особенно те, которые они сами застали в молодости) для укрепления легитимности своей власти. Примером служат описанные М. Олсоном [Олсон, 2012] явления «институционального склероза» в Великобритании и в России 1990-х гг.: старые элиты сдерживают необходимые для развития изменения, если они способны создавать риски их благосостоянию.

Устойчивости колеи способствуют и поведенческие, и культурные факторы. Упомянутые выше акторы могут быть нерациональными и выбирать эвристики, которые упрощают им выбор альтернатив и основаны на том, как они действовали ранее, если их полученный результат устраивал. Это подтверждают и поведенческие эксперименты. Те группы испытуемых, которые в начале эксперимента сталкивались с правилами, предполагающими эффективность коллективных действий, к его концу склонялись к кооперации [Bednar, Jones-Rooy, Page, 2015]. Что касается культурных установок, то они влияют на то, как индивиды реагируют на стимулы, создаваемые формальными институтами. Культура как модель поведения и ожидания того, как будут вести себя другие, генерируется в ответ на существующие институты и, в свою очередь, влияет на реакцию на новые институты [Bednar, Page, 2018]. Наиболее известным примером подобной трансмиссии является работа Р. Патнема, Р. Леонарди и Р. Нонетти [Putnam, Leonardi, Nonetti, 1994] о гражданской культуре на севере и юге Италии, которая сложилась в результате различий в политической системе двух регионов в Средневековье и по-прежнему способствует воспроизводству исторических различий в качестве государственного управления между итальянскими провинциями.

Тем не менее наличие эффекта блокировки не означает, что выход из колеи невозможен. Более того, хотя в научной литературе и есть уклон в сторону описания того, как исторические обстоятельства влияют на настоящее, на самом деле движение по определенной колее всё равно сопровождается институциональными изменениями [Abad, Maurer, 2021], что должно также учитываться при построении модели. Тем не менее далеко не каждое изменение способно привести к формированию эффективных институтов и выходу

из ловушки предшествующего развития. В. Полтерович [Полтерович, 2004] отмечает, что для этого должно выполниться хотя бы одно из трех условий: увеличение транзакционных издержек действующей неэффективной нормы, снижение транзакционных издержек альтернативной эффективной нормы или снижение трансформационных издержек перехода к альтернативной норме. Можно выделить три типа обстоятельств, способствующих трансформации исторически сложившихся институтов на практике:

1. Сильный внешний шок, который изменяет соотношение выгод и издержек институциональных изменений. Пример такого шока — эпидемия чумы в XIV в., которая, как доказывают Р. Джедwab, Н. Джонсон и М. Койяма [Jedwab, Johnson, Koyama, 2020], привела к эволюции многовекового института крепостничества в связи с высокой смертностью и снижением предложения на рынке труда. В странах Восточной Европы, где армия собиралась за счёт дворянства, государство не допустило раскрепощения крестьян и ужесточило меры по их привязке к земле. А на Западе Европы у монархов были иные источники доходов (в виде налогов и пошлин с торговцев, а также займов у банкиров), дворяне же занимались переманиванием крепостных у своих соседей с помощью обещаний более высоких доходов. Это в итоге привело к «малому расхождению» — если страны Западной Европы вышли из колеи и отказались от крепостного права, то в странах Восточной Европы из-за шока на рынке труда, наоборот, ловушка предшествующего развития стала ещё более устойчивой. Это позволяет говорить о том, что внешний шок не гарантирует выход из колеи, но создает условия, при которых он становится возможен.

2. Изменения в структуре выгод и издержек акторов. Схождение с колеи может быть вызвано тем, что существующие правила перестают быть выгодными для групп интересов, способных влиять на институциональную среду, в том числе из-за внешнего шока или достижения доступных пределов внутреннего развития. Если среди элит возникает широкая коалиция перемен, по мнению Дж. Махонея и К. Телен [Mahoney, Thelen, 2009], то возможно преодоление институциональной инерции. Примером этого может служить развитие немецкой финансовой системы после Второй мировой войны [Deeg, 2001]. Исторически в Германии сложилась система, в которой крупные банки вмешиваются в жизнь крупных компаний, причем с помощью лоббизма крупнейшие финансовые организации продвигали правовые нормы, сохраняющие status quo. Но в итоге из-за того, что данная долгосрочная стратегия перестала работать, у банков появились стимулы поменять правила игры. Появление единого европейского рынка и изменение регулирования на фондовом рынке в Великобритании подтолкнуло банки к началу кампании за реформирование немецкого фондового рынка и появления в Германии полноценных инвестиционных банков. Впрочем, из-за ограниченной рациональности далеко не всегда группы интересов осознают возможную выгоду от изменения правил. Этим Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст [North, Wallis, Weingast, 2009] объясняют устойчивость порядков ограниченного доступа — хотя зачастую в долгосрочной перспективе элитам выгоднее расширить доступ для политических и экономических организаций, но из-за опасений потерять ренту они этого не делают.

3. Изменения спроса на институты. По мнению К. Вейланда [Weyland, 2008], институциональные трансформации часто происходят из-за изменения предпочтений граждан. Они, в свою очередь, могут быть вызваны дискуссиями в гражданском обществе или реформами в соседних странах. Более того, без спроса гражданского общества на перемены, по его мнению, изменения произойти не могут. Это подтверждает и работа В. Полтеровича, который отмечает важную роль гражданского общества при выходе из институциональных ловушек [Полтерович, 2004]. Свидетельством влияния предпочтений общества на выход из ловушки предшествующего развития является работа Р. Фогеля и С. Энгермана [Fogel, Engerman, 1974], из которой следует, что освобождение рабов в США произошло не из-за экономических причин, а из-за появления массовых групп, выступающих против института рабства.

Таким образом, имеющаяся литература дает разрозненные объяснения того, по каким причинам неэффективные институты остаются устойчивыми и при каких условиях они могут претерпевать изменения. Для того чтобы объединить их в единую строгую теорию, далее мы предложим динамическую модель ловушки предшествующего развития на уровне институциональной среды.

Модель макроинституционального эффекта колеи

Наша модель основана на двух теоретических концептах. Во-первых, это описанная выше эволюционная модель ловушки предшествующего развития, которая была выбрана нами из-за того, что она учитывает возможность институциональных изменений при сохранении эффекта блокировки и влияния истории на меню институциональных альтернатив.

Во-вторых, это концепт социальных порядков, описанный Д. Нормом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом [*North, Wallis, Weingast, 2009*], с помощью которого в данной статье мы будем описывать устройство институциональной среды. Социальные порядки, как отмечают эти авторы, «структурируют отношения людей и их организаций, <...> одновременно дают отдельным лицам контроль над ресурсами и социальными функциями» [*North, Wallis, Weingast, 2009. Р. 32*]. В современном мире можно выделить два типа социальных порядков — порядок открытого доступа и порядок ограниченного доступа. Для порядка ограниченного доступа характерна институциональная среда, заточенная под извлечение элитами ренты с помощью аппарата насилия. В странах с порядком открытого доступа деятельность экономических и политических организаций ограничена лишь обезличенными правилами, а аппарат насилия подконтролен государству, руководство которого избирается обществом на конкурентных выборах.

При явных различиях между двумя типами социальных порядков, они сами по себе не однородны. Так, Нормом и его соавторами выделяются три подтипа порядков ограниченного доступа:

- ▶ «хрупкий», при котором государство не способно контролировать монополию на насилие, и каждая группировка, обладающая потенциалом насилия, устанавливает свои барьеры для политических и экономических организаций;
- ▶ «базовый», при котором насилие полностью контролируется госструктурами, которые, тем не менее, конкурируют друг с другом; все экономические организации так или иначе связаны с государством (кроме международных), большинство политических организаций — тоже;
- ▶ «зрелый», при котором существует большое количество частных фирм и оппозиция, однако компании, не имеющие политических связей, сталкиваются с серьёзными барьерами входа на рынок, а независимые политические партии — с тем, что они *de facto* не могут претендовать на власть.

Переход от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа возможен в том случае, если элиты, контролирующие власть, будут снижать барьеры для формирования независимых экономических и политических организаций². При этом полное снижение барьеров для организаций возможно только при достижении «пороговых условий»: наличие верховенства права для элит, бессрочно существующих организаций в общественных и частных сферах, а также консолидированного контроля за силовым

² В книге Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста отмечается, что барьеры для политических и экономических организаций могут различаться, однако в долгосрочной перспективе они синхронизируются. Поэтому далее мы будем говорить о едином уровне барьеров для всех организаций.

аппаратом. Учитывая, что в странах с базовым и зрелым порядком ограниченного доступа государству принадлежит монополия на насилие, а значит, оно способно проводить реформы, то дальше в качестве инструмента оценки состояния институциональной среды мы будем описывать установленный властями уровень барьеров для организаций. Высокий уровень барьеров говорит о том, что элита не допускает в стране существование независимых организаций и стремится к максимальному извлечению ренты; низкий уровень барьеров говорит о возможности появления независимых организаций и большей свободы предпринимательства. Высокие барьеры делают элиту более влиятельной — однако лишь низкие барьеры способны запустить экономический рост. Об этом свидетельствует сопоставление исследований Д. Норта с данными А. Мэддисона [Maddison, 2008] — именно страны, в которых ещё в XVIII–XIX вв. сформировался порядок открытого доступа, наблюдается исторически более высокая траектория развития. Более того, за последние два века выйти на траекторию развития стран Запада смогли лишь те государства, которым удалось также и достичь порядка открытого доступа: Испания, «азиатские тигры» и Чили. Поэтому уровень барьеров влияет не только на доходы элит, но и на то, с каким темпом растет экономика страны.

Предлагаемая нами модель макроинституционального эффекта колеи устроена следующим образом. Представим себе общество с порядком ограниченного доступа. В этом обществе элиты — осёдлые бандиты (по М. Олсону) — заинтересованы в долгосрочном увеличении своих доходов. Доходы, в свою очередь, получаются в ходе извлечения ренты с помощью аппарата насилия. Те, кто находятся у власти, могут выбирать — насколько высокими будут барьеры (устанавливаемые с помощью аппарата насилия) для формирования независимых экономических и политических организаций. Пусть уровень барьеров будет равен B , $B \in [0; 1]$. Более высокие барьеры позволяют элите извлекать в качестве ренты более высокую долю валового продукта (назовем её «рентной ставкой» и обозначим как r , однако снижают стимулы к предпринимательству, из-за чего снижаются частные инвестиции, а значит — и объем ВВП в следующем периоде (обозначим частные инвестиции как I_{pr} , а ВВП — как GDP). Более низкие барьеры, напротив, снижают величину r , но зато увеличивают GDP .

Значение GDP также зависит от того, насколько элита активно предпринимает попытки «авторитарной модернизации», т.е. пытается реинвестировать полученную ренту в экономику. Обозначим объем этих инвестиций как I_{st} , уровень I_{st} , как и уровень B , определяется элитой. Для I_{st} характерна убывающая отдача от масштаба (каждая новая единица инвестиций приводит к меньшему GDP в следующем периоде). Кроме того, эффективность авторитарной модернизации связана с тем, насколько высокими были барьеры для организаций в прошлых периодах. Связано это с тем, что «авторитарная модернизация» (или, как её называет Е. Ясин, «модернизация сверху») «может быть успешной после длительного периода спокойной эволюции без вмешательства государства, причем видимый успех иногда достигается на сравнительно коротких отрезках времени. <...> Разрушение созидательных сил, развивающихся снизу — рынка, капитализма обусловило недолгую жизнь модернизаторского порыва и привело к истощению экономических и социальных сил общества» [Ясин, 2001. С. 166]. Иными словами, «авторитарная модернизация» может давать краткосрочные положительные эффекты, но в долгосрочном периоде не способна стимулировать экономический рост. Поэтому зависимость ВВП от частных и государственных инвестиций:

$$GDP_2 = F \left(I_{pr_1}^+ (r^-); \left(\sum_{j=1}^{\infty} \frac{1-B_j}{j} \right) * I_{st_1}^+ \right),$$

где $j = 1$ в прошлом по отношению к I_{st_1} периоду, $j = 2$ в позапрошлом и т.д.

Кроме того, величина барьеров B влияет на угрозы, с которыми сталкиваются элиты. Снижение барьеров для политических и экономических организаций приводит к появлению альтернативных политических структур, способных бросить вызов элите, тем самым вероятность потери ею доступа к ренте (пусть и частичной) растет (обозначим эту вероятность как p , $p(B^-)$). Увеличение барьеров, в свою очередь, хотя и создает высокие издержки на репрессии (обозначим их как C_{rep} , снижает вероятность потери имеющегося доступа к ренте.

Стоит отметить, что издержки на репрессии в нашей модели связаны не только с величиной барьеров, но и с тем, какой наблюдается спрос на институты. Пусть D_{inst} обозначает спрос на более качественные институты (то есть низкие барьеры для формирования организаций), который определяется на «культурных рынках», описанных Д. Аджемоглу и Дж. Робинсоном [Acemoglu, Robinson, 2021]; $D_{inst} \in [0; 1]$. В таком случае расходы на репрессии будут связаны с тем, насколько они нужны, то есть насколько велико народное недовольство существующим порядком — с разницей по модулю между D_{inst} и B :

$$C_{rep} = F(B^+, |1 - D_{inst} - B|^+),$$

где D_{inst} — желаемый обществом уровень барьеров.

Из этого следует, что в целом ужесточение системы снижает риск потери власти; либерализация системы, наоборот, этот риск повышает. Однако у ужесточения власти есть предел, который достигается тогда, когда издержки на репрессии становятся слишком большими. Из-за этого рост спроса на институты может повлечь за собой либерализацию, так как сохранение высоких барьеров для организаций становится затратным и невыгодным для элиты.

Вероятность потери доступа к ренте, в свою очередь, также связана не только с величиной барьеров для организаций, но и со спросом на качественные институты. Таким образом:

$$p = F(B^-, |1 - D_{inst} - B|^+).$$

В результате соотношение выгод и издержек элиты при социальном порядке ограниченного доступа в период t выглядит следующим образом:

$$(1 - p) * r(B^+) * GDP - C_{rep} - I_{st}.$$

В каждый период элиты принимают два решения. Во-первых, они определяют уровень барьеров для политических и экономических организаций. Величина B зависит от того, какая проблема стоит перед властями острее всего и какие возможности у них есть. Если элиты страдают от сокращения экономики (считай — своей рентной базы) или если издержки на политические репрессии становятся слишком большими, то они пойдут на либерализацию и расширят объем политических и экономических свобод. Если же главное опасение элиты связано с риском потерять власть или если у государства появился новый источник ренты (например, обнаруженные природные ресурсы), благодаря которому влияние r на I_{pr} снизится, то тогда барьеры будут увеличиваться. Во-вторых, элиты выбирают оптимальный объем инвестиций I_{st} , при котором они могут достигнуть наибольшего уровня благосостояния. I_{st} будет скорее низким в случае низкой рентной ставки (так как у элит в таком случае ниже объем извлекаемой ренты) или тогда, когда в прошлые периоды наблюдался очень высокий уровень барьеров (так как в таком случае отдача от инвестиций становится очень низкой).

Как следует из соотношения выгод и издержек элиты, принятие решений элиты будет иметь маятниковую форму. Увеличение барьеров для организаций в итоге приве-

дет к сокращению объема получаемой ренты из-за снижения темпов роста ВВП, которое с определенного момента перестанет компенсироваться отдачей «авторитарной модернизации», а также к ощутимому росту издержек на удержание власти (особенно при нарастании спроса на качественные институты). На первых порах уровень барьеров остается стабильно высоким, так как у элит есть и силы, и ресурсы для извлечения ренты и подавления недовольства (подобный период можно назвать «периодом застоя»). Однако с определённого момента стагнирующая экономика, неизбежная при застое, перестанет обеспечивать возможность устанавливать высокие барьеры для независимых организаций, и властям придётся пойти на либерализацию. Однако и решение о либерализации создает для властей неприятности — снижение политического и экономического давления приводит к увеличению вероятности потери власти, а сокращение возможности пользоваться плодами экономического роста из-за снижения рентной ставки может привести к падению доходов самой элиты. Из-за этого у властей возникает стимул приостановить реформы, а если этого недостаточно — увеличить барьеры для оппозиции и частных фирм, увеличив тем самым возможность извлечения монопольной ренты и укрепив власть. Иными словами, «оттепель» создает предпосылки для того, чтобы элиты, столкнувшись с рисками, начали «заморозки» и наоборот.

Стоит при этом заметить, что принятие решений об изменении уровня барьеров, согласно ранним работам Норта [North, 1990], связано со значительными транзакционными издержками (обозначим их как C_{tr}) — как проектирования новых правил, так и адаптации к ним. При этом издержки будут тем ниже, чем менее значительны изменения. Более того, издержки будут ниже, если реформаторы не устанавливают абсолютно новый уровень барьеров, но воспроизводят существовавшее ранее значение B , так как в таком случае элитам, имевшим опыт жизни с данными правилами, будет проще к ним адаптироваться. Поэтому функцию транзакционных издержек можно задать следующим образом:

$$C_{tr} = F \left(\sum_{j=1}^{\infty} \left| \frac{B_j - B_0}{j} \right| \right),$$

где $j = 0$ в текущем периоде, $j = 1$ в прошлом периоде, $j = 2$ в позапрошлом периоде и т.д.

Это вполне ложится в логику эффекта колеи — издержки переключения и невозвратные издержки, связанные с выстраиванием в прошлом социального порядка, будут сдерживать серьёзные изменения. Поэтому исторически выбранный на институциональных развилках путь станет оказывать влияние на существующий социальный порядок: чем дальше отход от сложившегося пути развития, тем выше будут издержки³. Именно высокий уровень B является источником застоя и причиной приостановки реформ — сохранение институтов прошлого периода оказывается оптимальной стратегией, когда потенциальная отдача от изменений незначительна.

В результате для того, чтобы произошло изменение институциональной среды, необходима не только заинтересованность акторов в увеличении выгод и снижении издержек, но и достаточный уровень улучшения благосостояния от смещения барьеров, который бы перекрывал расходы на реформы. То есть должно выполняться следующее неравенство:

³ Стоит отметить, что в нашей модели все институты характеризуются одним признаком (величиной B), однако выводы верны для ситуаций, когда этих признаков больше. В таком случае возможна ситуация, когда новый институт получается путем рекомбинации тех, что существовали в прошлом и существуют в настоящем: например, колхозная система эпохи сталинизма представляется собой классическое крепостное право, рекомбинированное с помощью популярных в начале советского периода идей сельскохозяйственной кооперации.

$$(1 - p_1) * r(B_1^+) * GDP_1 - C_{rep_1} - I_{st_1} - C_{tr} > (1 - p_0) * r(B_0^+) * GDP_0 - C_{rep_0} - I_{st_0},$$

где 1 обозначает исход, при котором реформы были совершены, а 0 — исход, при котором институциональная среда осталась неизменной.

Выделенные в обзоре литературы факторы устойчивости колеи вполне укладываются в предлагаемую нами модель. Действительно, институциональные изменения окажутся невозможны в том случае, если C_{tr} будут слишком большими. Именно поэтому, как указывает эволюционная модель эффекта колеи, трансформация устоявшихся институтов может быть только постепенной, путем цепочки незначительных мутаций — в противном случае издержки переключения становятся слишком высокими. Кроме того, изменения сдерживаются интересами акторов — любая реформа может произойти только в том случае, если она принесет выгоду элите. Играть также роль и культурные факторы — если в стране под воздействием существующих культурных норм наблюдается устойчиво низкий спрос на качественные институты, то в таком случае и стимулов у элит проводить реформы и снижать уровень барьеров для организаций становится меньше.

Что касается причин, по которым общество может выйти из колеи, то выводы модели также совпадают с тем, что было представлено в обзоре литературы: необходимы либо изменения структуры выгод и издержек акторов, либо сильный внешний шок, либо изменение спроса на институты. Однако с помощью нашей модели можно выделить более конкретные сценарии, при которых возможны институциональные трансформации.

1. Маятниковые изменения. Как уже было отмечено выше, интересы элит устроены таким образом, что оттепель через определенный период времени подталкивает элиты к заморозкам, а заморозки — к оттепели. Из-за этого власть будет периодически проводить реформы, борясь то с падением экономики и ростом затрат на поддержание режима, то с риском потерять доступ к ренте. Эти изменения, впрочем, могут быть устойчивыми. Это достижимо тогда, когда обратное движение маятника будет сдерживаться высокими издержками либо институциональных изменений, либо репрессий. Примером действия первого барьера для маятника может служить отмена рабства в США. В истории американского Юга были периоды как снижения, так и увеличения барьеров для свободной деятельности афроамериканцев — и процесс Реконструкции сменился появлением в южных штатах «законов Джима Кроу», формализовавших дискриминационные практики. Однако возврат маятника в сторону более репрессивной политики не привел к восстановлению рабства, отмененного лишь пару десятилетий назад. Связано это с запредельным уровнем издержек подобных изменений — отмена рабства была закреплена в конституции США, из-за чего его восстановление (особенно с учетом возможного противодействия со стороны северных штатов) на тот момент было фактически невозможным. Что касается высоких издержек репрессий, то, как отмечают Норт и его соавторы [North, Wallis, Weingast, 2009], формирование порядка открытого доступа (которое в нашей модели синонимично выходу из колеи) не может произойти без появления договоренностей между существующими элитными группами. Эти соглашения касаются в первую очередь использования аппарата насилия — участники договариваются о неприменении друг к другу аппарата насилия при политической и экономической конкуренции. Иными словами, соглашения устанавливают запрет на установление высоких барьеров для независимых организаций. В результате издержки на «заморозки» становятся для элиты слишком высокими даже тогда, когда вероятность потери власти высока. Хотя в основном подобного рода соглашения являются неформальными (хотя и воплощаются в конституциях), есть примеры формально прописанных межэлитных пактов — к примеру, Великая хартия вольностей в Англии, пакт Монклоа в Испании или соглашение Круглого стола в Польше. Исторический опыт той же Испании и стран социалистического блока Центральной и Восточной Европы показывает, что подобные соглашения действительно способствуют демократическому транзиту и формированию порядка открытого доступа.

2. Изменения в экономической конъюнктуре. Вызванные внешним шоком перемены в экономической структуре приводят к изменению источников ренты, что влияет на зависимость темпов роста ВВП от объема собираемой ренты. Так, подобным изменением может стать обнаружение в стране большого запаса природных ресурсов. Наличие природной ренты позволяет увеличивать барьеры для организаций без опасения, что это приведёт к серьёзному падению экономики — спрос на природные ресурсы на внешних рынках никак не связан с внутренней ситуацией в стране. Впрочем, любые внешние шоки, затрагивающие национальную экономику, могут подтолкнуть институциональную среду к выходу из колеи. Так, ослабление регулирования рынка ценных бумаг в ряде стран сделали исторически сложившуюся финансовую систему ещё менее конкурентноспособной, чем она была ранее. Это побудило представителей банковских кругов добиваться изменений в финансовом законодательстве, устанавливавшем барьеры для их деятельности [Deeg, 2001].

3. Внешний шок, связанный с изменением риска потерять власть. Подобного рода шоком для государства может быть появление более экономически и технологически эффективного соседа, способного лишить элиту доступа к ренте путём интервенции. Реакция на эту угрозу зависит от того, какой именно способ ускорения экономического и военного развития способен дать наилучшие краткосрочные эффекты. Как следует из работы Р. Джеджаба и его коллег [Jedwab, Johnson, Koyama, 2020], посвященной «второму изданию» крепостничества, если государство способно финансировать армию полностью за счёт налогов, то оно готово пойти на ослабление экономических барьеров; если же единственно возможным источником денег на вооружения является собираемая элитами рента, то в таком случае барьеры будут скорее увеличены. Иными словами, внешние угрозы подталкивают одних к реформам для увеличения рентной базы (в результате которых возможен выход из колеи), а других — к увеличению рентой ставки. Отдельно стоит заметить, что выходу из колеи может поспособствовать внешний шок, приводящий к падению правящей элиты. Так, М. Олсон [Олсон, 2012] отмечает, что японскому и немецкому «экономическому чуду» и формированию в этих странах демократических систем поспособствовало разрушение в результате Второй мировой войны элитных группировок, извлекавших ренту. При этом распад старых межэлитных связей не означает автоматическое формирование порядка открытого доступа (о чём свидетельствует институциональная динамика в ФРГ и ГДР), но создает условия для возможного заключения межэлитного соглашения.

4. Изменения в спросе на институты. Трансформация институтов, как отмечают Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон [Acemoglu, Robinson, 2021], тесно связана с тем, что происходит на «культурных рынках». Действующие на них «культурные предприниматели» предлагают обществу свою интерпретацию существующих «культурных атрибутов», и те культуртрегеры, которые смогли выиграть эту конкуренцию, формируют у общества спрос на институты. Если на культурном рынке появляется новый победитель (к примеру, поддерживающий более низкий уровень барьеров для организаций), то это влияет как на риски потери власти, так и на издержки текущего уровня репрессий. Чтобы эти риски и издержки снизить, элиты в итоге будут готовы пойти на либерализацию. Классическим примером изменения спроса на институты можно считать отмену рабства в США — «культурные предприниматели»-аболиционисты смогли убедить общество в недопустимости нахождения людей в собственности, что в итоге повлияло на решение американского правительства об отмене рабства, несмотря на его экономическую эффективность [Fogel, Engerman, 1974].

Сам процесс выхода из ловушки предшествующего развития скорее окажется успешным, а результаты институциональной трансформации — устойчивыми в случае, если реформаторы смогут добиться как можно более низкого C_{tr} . Для этого есть два способа. Во-первых, снижение издержек, связанных с изменением уровня барьеров для организаций, с помощью рекомбинации существующих правил. Сделать это можно с помощью использования сохранившихся рудиментов не выбранных в прошлом институциональных

альтернатив [Schneiberg, 2007] или изменения интерпретации, или инфорсмент существующих норм [Ebbinghaus, 2009]. Именно таким образом удалось выбраться из ловушки предшествующего развития и выстроить порядок открытого доступа Чили — демократическая система в стране основана на конституции 1980 г., принятой А. Пиночетом для поддержания своего авторитарного режима и отредактированной в 1989 г. во время переговоров между хунтой и оппозицией [Navia, 2009]. Это, по мнению П. Навии, позволило добиться демократического транзита без сопротивления старых элит, так как сохранение старой конституции (из которой были убраны наиболее авторитарные параграфы) легитимизировало их роль в новой политической системе.

Во-вторых, институциональных изменений можно достичь с помощью компенсационных сделок, благодаря которым потенциальным проигравшим от изменения правил будут возмещены все их потери. Данный путь «выхода из колеи» снизит не только C_{tr} , но и вероятность потери власти. Так, в Южной Корее (см. [Yoo, 2012]) быстрая трансформация аграрно-феодалного общества в страну с порядком открытого доступа и развитой экономикой стала возможной благодаря аграрной реформе, в ходе которой крестьяне получили землю в собственность, а аристократия — компенсации. В результате данная реформа, с одной стороны, снижала популярность северокорейского режима, за счёт чего властям Южной Кореи удалось добиться монополии на насилие, а с другой — дала и фермерам, и аристократам первоначальный капитал, который они использовали для создания промышленности. Формирование открытой рыночной системы, в свою очередь, способствовало снижению барьеров и на политических рынках.

Ещё одним выводом из представленной нами модели является то, что хотя в краткосрочной и среднесрочной перспективе описываемое нами общество находится в ловушке предшествующего развития, в долгосрочной перспективе оно придёт к порядку открытого доступа. Связано это с тем, что устойчивость порядка ограниченного доступа вызвана спросом на институты, который, в свою очередь, связан с культурными нормами. Однако во всех обществах по мере своего развития, как отмечают Р. Инглхарт и У. Бейкер [Inglehart, Baker, 2000], происходит процесс формирования сначала материалистических, а потом и постматериалистических ценностей, которые подразумевают запрос на народовластие, равенство и подконтрольность элит. Более того, по мере роста экономики общества становятся более индивидуалистичными и феминными [Hofstede, Minkov, 2013], что создает запрос на большую защищенность бизнеса и меньший уровень использования аппарата насилия. Поэтому по мере общественной трансформации удерживать высокие барьеры для организаций становится всё более и более затратно, что будет подталкивать элиты к либерализации.

Хотя разработанная модель вполне соответствует имеющимся в новой институциональной экономической теории представлениям о ловушке предшествующего развития, полученные нами основные выводы о чередовании «оттепелей» и «заморозков», о факторах, способствующих преодолению ловушки, и оптимальных стратегиях выхода из колеи требуют дополнительных подтверждений. Именно поэтому в следующей части статьи мы сопоставим нашу модель с тем, как в реальности изменялась институциональная среда в России за последние столетия.

«Оттепели» и «заморозки»: свидетельства из российской истории

В качестве примера, иллюстрирующего работу выявленных с помощью теоретической модели закономерностей, посмотрим на то, как и по каким причинам менялась институциональная среда в России за XIX и XX вв. Данный период выбран нами по той причине, что, согласно Норту, Уоллису и Вайнгасту [North, Wallis, Weingast, 2009], именно в начале XIX в. в мире сформировались первые полноценные порядки открытого доступа.

Учитывая, что в долгосрочном периоде порядок открытого доступа выгоден для элит, можно было бы наивно предположить, что при появлении данной формы общественного устройства другие общества будут пусть и не сразу, но перенимать наиболее эффективные практики. Однако на деле, как показывает опыт и России, и подавляющего большинства стран мира, попытки снизить барьеры для независимых политических и экономических организаций сталкиваются с эффектом колеи.

Обращаясь к российской истории, стоит подметить существование на протяжении последних столетий периодов «оттепелей», когда элиты идут на реформы и стараются выйти из ловушки предшествующего развития, и «заморозков», когда элиты возвращаются к институтам самодержавия и крепостничества. На рис. 2 показаны основные тренды⁴ того, как претерпевали изменения барьеры для независимых организаций 1800–2000 гг. (в табл. 1 в Приложении даны пояснения к каждому историческому периоду).

Рис. 2. Изменения порядка ограниченного доступа в России, 1800–2000 гг. Чем выше линия, тем ниже уровень барьеров для независимых политических и экономических организаций

Источник: вычисления авторов.

На графике отчетливо видно, что периоды снижения барьеров (в годы правления Александра I и Александра II, в эпоху революции 1905 г., НЭПа, оттепели и перестройки) регулярно сменяются эпохой «заморозков» (правление Николая I, Александра III, И. Сталина, период застоя). Особняком стоит эпоха Гражданской войны — крушение государственности привело к тому, что на территории России не существовало монополии на насилие, из-за чего создать жизнеспособную организацию было возможно лишь с помощью доступа к насилию. Из графика также следует, что, не считая хрупкого порядка ограниченного доступа в 1917–1922 гг., в долгосрочном периоде институциональная среда демонстрировала развитие в сторону более зрелого порядка ограниченного доступа. Об этом говорит даже то, что каждый новый период «заморозков» был мягче предыдущего: уровень ограничения свобод в эпоху контрреформ Александра III или Л.Брежнев не достигал того объема репрессий, что наблюдался во времена «мрачного семилетия» или Большого террора, соответственно.

Однако чем именно вызваны данные маятниковые колебания? Для ответа на этот вопрос в данной статье мы кратко рассмотрим причины, вызвавшие институциональные изменения в эпоху правления четырех последних российских императоров, — эпоху, в которую в соседних странах происходило становление зрелых порядков ограниченного доступа или порядков открытого доступа.

⁴ Более подробный анализ динамики институциональной среды в каждую отдельную историческую эпоху требует дополнительного анализа, выходящего за рамки данного исследования.

Николай I

Правление Николая I считается одним из наиболее реакционных за всю российскую историю. Уже в самом начале царствования императором было основано Третье отделение императорской канцелярии — специализированный орган управления, контролирующий весь политический сыск в стране; был введен «чугунный» цензурный устав, из-за которого практические любые издания, затрагивающие политические темы, были под запретом. Причина этих действий проста: новый император в самом начале своего царствования столкнулся с восстанием декабристов, в котором приняло участие либерально настроенное офицерство. Рост угрозы потери власти подтолкнул Николая I к ужесточению борьбы с независимыми политическими организациями и сдерживанием распространения идей французского Просвещения. Однако ценой укрепления единоличной власти стал рост бюрократизма — современники отмечали, что при Николае I сложилось полноценное чиновничье сословие, неподконтрольное обществу, но влияющее на принятие широкого круга решений. Регуляторное давление и коррупция серьёзно сдерживали появление эффективных независимых экономических организаций. Более того, по мнению А. Гершенкрона [Gershenkron, 1970], Николай осознанно проводил политику, сдерживающую экономический рост, который в то время был связан в основном с распространением промышленного производства, и позволявшую существующей элите извлекать больше аграрной ренты. Так, император считал необходимым сохранение ведущей роли аграрного сектора, из-за чего в стране сравнительно медленно стала создаваться железнодорожная система, а из всех финансовых институтов наибольшую поддержку получал Государственный заемный банк, в котором помещики могли брать займы под залог крепостных или земли. Эти взгляды также удерживали Николая I от попыток запуска «авторитарной модернизации», он предпочитал довольствоваться *status quo*.

То, чем именно руководствовался Николай I при проведении своей политики, демонстрирует «мрачное семилетие» 1848–1855 г. Рост числа политических процессов и ужесточение (после некоторых смягчений в начале 1840-х гг.) цензуры стало реакцией на «весну народов» — серию революций, прокатившейся в 1848 г. по всей Европе. «Рыцарь самодержавия», опасаясь, что опыт многочисленных стран (от Франции до Венгрии) может создать спрос на более свободную политическую систему, для укрепления власти пошел не на уступки, а на ужесточение режима. То есть в данном случае под воздействием внешнего шока, который мог (с точки зрения власти) повлиять на спрос на институты, был взят курс на ужесточение институциональных барьеров.

Таким образом, правление Николая I наглядно показывает, что для элит, живущих в условиях порядка ограниченного доступа, оптимальной стратегией в случае роста рисков потери власти является увеличение барьеров для независимых организаций. При этом «заморозки» затрагивают не только политику, но и экономику: для сохранения ренты элиты готовы пожертвовать её размером.

Александр II

Как и правление Николая I, царствование его сына началось с серьёзных вызовов — но несколько иного рода. Проигранная в том числе из-за низкого уровня экономического и технологического развития страны Крымская война оставила Россию со значительным внешним долгом. Кроме того, вопреки усилиям предшественника, к началу правления Александра II на «культурном рынке» стали преобладать критические мнения о существующей в стране экономико-политической системе, в первую очередь — о крепостном праве. Разрыв между существующими барьерами и спросом на новые институты был велик.

Слабое состояние экономики и неудовлетворенность спроса на институты подтолкнули Александра II к реформам, ключевой из которых была крестьянская реформа

1861 г. Знаменитый Манифест 19 февраля обозначил лишь первый шаг в трудном процессе. На самом деле процедура перехода к рыночной сельскохозяйственной системе, как отмечает Б. Миронов [Миронов, 2003], заняла несколько десятилетий. Так, на протяжении 49 лет крестьянам приходилось платить оброк или барщину за право пользоваться землей, а помещик, чьи крестьяне были освобождены, получал из казны большую единовременную выплату (которую потом в течение многих десятилетий взыскивали с крестьян). Данные меры связаны с издержками имплементации реформ — класс землевладельцев мог бы не принять более радикальную процедуру освобождения крестьян. О том, что специфичный дизайн крестьянской реформы можно объяснить издержками её проведения, свидетельствует также тот факт, что после реформы крестьяне остались привязаны к сельской общине, так как подобная форма организации производства была и привычна крестьянству, и имела поддержку среди образованных слоев общества [Kimball, 1973].

Умеренность самой крестьянской реформы была не единственным способом снизить сопротивление раскрепощению крестьян. Так, земская реформа, в ходе которой в России возникли новые органы местного самоуправления, была проведена, как указывает В. Румянцев [Румянцев, 2014], не только из-за запроса нарождающейся буржуазии на представительство, но и в качестве компенсации дворянству за ликвидацию крепостного права. Фактически, перед нами пример компенсационной сделки — в обмен на ослабление доступа к аграрной ренте местному дворянству дали больше прав на принятие локальных политических решений, несколько перераспределив власть от центрального бюрократического аппарата.

Другие реформы Александра II также способствовали снижению барьеров для политических и экономических организаций. Финансовая реформа снизила административные барьеры и сделала более эффективной налоговую систему; реформа высшего образования либерализовала академическую сферу и позволила разночинцам накапливать человеческий капитал, необходимый для капиталистической экономики; судебная реформа привела к созданию независимой судебной системы, способной защищать заключенные контракты. Все эти меры поспособствовали капиталистическому развитию страны.

Эпоха великих реформ подтверждает выводы модели о том, что снижение темпов экономического роста и увеличение разрыва между институциональным спросом и предложением привели к тому, что элиты пошли на снижение уровня барьеров для независимых организаций. Однако эти действия дали серьёзный побочный эффект — на фоне либерализации в обществе стали появляться группы, требующие ещё больших изменений. Они стали создавать серьёзные риски для власти. Снижение уровня цензуры и репрессий против инакомыслия лишь способствовало распространению радикальных взглядов. Деятельность этих групп привела к покушению на Александра II в 1866 г., после которого темп реформ резко снизился, и убийству императора в 1881 г., на которое его сын, Александр III, ответил ужесточением политической системы. С началом стабильного капиталистического развития риски для элит возросли, и это изменение баланса выгод и издержек привело к обратной реакции.

Александр III

В начале своего царствования Александр III столкнулся во многом с теми же вызовами, что и его дед — правда, потерять власть он мог вследствие не военного переворота, а деятельности террористических группировок. Это заставило нового императора сразу же начать более репрессивную политику: полицейские власти, а также Третье отделение получили чрезвычайные полномочия и фактически имели право сколь угодно долго держать под арестом подозрительных лиц без решения суда. Многие реформы, начатые Александром II, были пересмотрены. Право на суд присяжных, введенное после судебной реформы, было ограничено, была урезана появившаяся при Александре II университетская

автономия, низшие сословия были ограничены в праве на образование («закон о кухаркиных детях»), а городские жители — в возможности влиять на решения земств. Кроме того, Александр III усилил поддержку дворянства, создав специализированный банк для помощи землевладельцам, а также ограничив процесс выхода крестьян из общины. Таким образом, к сокращению политических свобод добавилось торможение процесса раскрепощения, начатого предыдущим императором.

Характерно, что контрреформы Александра III не носили радикального характера. Это можно объяснить тем, что возвращение крепостного права или разгон местного самоуправления было чревато слишком высокими издержками и, учитывая предпочтения общества, могло бы только увеличить риск потери власти. Однако предпринятых мер было достаточно, чтобы усилить контроль элиты за политической системой и увеличить извлечение аграрной ренты (пусть и не до того уровня, что был при Николае I), не уничтожив экономический рост и позволяя элите извлекать ренту и из новых, промышленных, отраслей. Более того, после первых пяти лет царствования, в ходе которых были приняты основные репрессивные законы, серьёзного увеличения барьеров не наблюдалось, так как это могло бы вызвать значительные издержки. Фактически с середины 1880-х — 1905 гг. страна находилась в состоянии застоя.

Отдельно стоит отметить, что данный период заморозков и застоя сопровождался попыткой «авторитарной модернизации», пусть и не такой значительной, как при Петре I или Сталине. Как отмечает А. Гершенкрон [Gershenkron, 1970], индустриализация в Российской империи конца XIX в. произошла при большем государственном вмешательстве, чем во Франции и Германии. Причем это вмешательство не ограничивалось только крупными инфраструктурными проектами (такими, как, к примеру, Транссиб), но и выражалось в значительном объеме государственных закупок, а также в протекционизме. Хотя эти меры и оказали положительное влияние на темпы экономического роста, в долгосрочном периоде они создавали свои проблемы: монополизация несырьевых отраслей, возникшая за счёт высоких барьеров для независимых экономических организаций, была серьёзным препятствием для полноценной индустриализации [Cheremukhin, Golosov, Guriev*, Tsyvinski, 2017].

Таким образом, правление Александра III показывает, что при росте угрозы потери власти элиты готовы пойти не только на ужесточение политического режима, но и на «авторитарную модернизацию», которая должна заменить собой частные инвестиции, потерянные из-за увеличения барьеров для экономических организаций. Такого рода меры способны дать в кратковременном периоде экономический рост, но имеют негативные долгосрочные последствия.

Николай II

В отличие от трёх своих предшественников, Николай II в начале своего царствования не сталкивался ни с серьёзным экономическим кризисом, ни с высоким риском потери власти, поэтому первые годы его правления также можно назвать скорее «застойными». Однако за 20 лет с момента «закручивания гаек» после убийства Александра II российское общество претерпело существенные изменения — именно на рубеж веков, по мнению Миронова [Mironov, 2015], пришёлся активный процесс урбанизации и модернизации ценностей, который хоть и не предопределил, но серьёзно поспособствовал возникновению революционных волнений. Рост спроса на политическое представительство (при неизбежности самодержавия, о котором заявил Николай II в самом начале царствования) привел к тому, что существующий уровень политических и экономических барьеров перестал устраивать общество, что вылилось в революцию 1905–1907 гг.

Первоначально действия властей вполне укладывались в логику поведения элит, желающих защитить свой доступ к ренте, — против протестующих использовался суще-

* Гурьев Сергей Маратович включен в реестр иностранных агентов 10.03.2023

ствующий у государства аппарат насилия. Однако подавить все стачки не удалось, а проходившая в то же самое время русско-японская война ограничивала возможность использования армии для подавления протестов. Поэтому вместо заведомо высоких издержек на подавление революции властям пришлось пойти на уступки в виде Манифеста 17 октября. Гарантия основных гражданских свобод со стороны государства и созыв избранной на выборах Государственной думы удовлетворили значительную часть контрэлита.

При этом, как только Россия закончила войну с Японией, а насильственная фаза революции сошла на нет, власть стала частично отменять предложенные в 1905 г. реформы. Так, для получения более договороспособного состава Думы правительство во главе с П. Столыпиным изменило избирательное законодательство и (как Александр III в положениях о земствах за 20 лет до того) увеличило вес голосов дворянства, тем самым повысив барьеры политического участия для «третьего сословия». Вместе с системой военно-полевых судов в отношении политических дел данная мера позволила стабилизировать политическую систему Российской империи до начала Первой мировой войны. То есть история первой русской революции показывает, что элиты могут снижать барьеры для организаций в том случае, когда издержки сохранения этих барьеров становятся слишком высокими, однако если в будущем эти затраты снижаются, то власть может вернуть часть барьеров назад. Кроме того, пример 1905–1907 гг. наглядно показывает, как работает ловушка предшествующего развития. Соглашаясь на значительные институциональные изменения, власти позже могут трансформировать новые правила, основываясь на давно существующих в институциональной среде принципах — например, как в данном случае, на принципе сословности. В результате даже демократические реформы продолжают, пусть и в сильно видоизмененном виде, воспроизводить институты самодержавия и крепостничества.

Заключение

Подведём итоги. Развитие институциональной среды в большинстве государств мира сдерживается ловушкой предшествующего развития, в результате которой установившиеся в прошлом неэффективные институты продолжают воспроизводиться до сих пор. Связано это как с тем, что любые институциональные изменения создают издержки, которые ни власть, ни общество не готовы понести, так и с тем, что элиты, устанавливающие правила игры, могут быть бенефициарами данных институтов.

В данной работе мы предлагаем свой взгляд на то, как устроена «колея развития» в странах с социальным порядком ограниченного доступа. Предложенная нами модель показывает, что «оттепели», периодически возникающие в странах с низким качеством институциональной среды, являются естественной частью «колеи» и реакцией либо на негативные эффекты, создаваемые излишне рентоориентированным поведением элит, либо на невозможность удержать власть исключительно с помощью репрессивного аппарата. При этом либерализация приводит к росту риска потери ренты, поэтому вскоре после стабилизации экономики у элит появляются стимулы вернуть более высокие барьеры для независимых политических или экономических акторов.

Российская история является наглядным примером подобного «маятникового» развития. Так, в последний век существования Российской империи две волны либерализации были связаны либо с экономическим и технологическим отставанием от соседних стран, либо с невозможностью поддерживать былой уровень репрессий. При этом расширение гражданских и экономических свобод приводило к тому, что в обществе появлялось больше возможностей для образования организаций, готовых бросить вызов элите. Поэтому либерализация таит для элит угрозу потери власти. В том случае, когда эта угроза становится серьёзной, власти идут на ужесточение режима. Причём, наиболее простым с точки зрения

транзакционных издержек способом контрреформ оказывается воспроизводство в новой институциональной среде старых правил — например, сословного ценза в демократических земствах и думах или дворянского землевладения в пореформенном селе.

Есть ли выход из этой колеи? Хотя все осуществлявшиеся в России попытки либерализации в итоге не привели к формированию порядка открытого доступа, это не значит, что подобные трансформации невозможны. Причин, по которым они могут произойти, несколько. Во-первых, в обществе может сложиться такой спрос на высококачественную институциональную среду, при котором элиты столкнутся с запредельными издержками, связанными с проведением репрессий. Наличие гражданского общества, сдерживающего власть, — условие попадания в «узкий коридор», в котором только и может сложиться демократическая политическая система [Acemoglu, Robinson, 2019]. Во-вторых, из-за сильного внешнего шока та рента, за счёт которой жила элита (к примеру, связанная с добычей природных ресурсов), может исчезнуть, что вынудит её менять экономическое устройство в сторону меньшего уровня ограничений. В-третьих, как указывают Д. Норт и его соавторы, порядок открытого доступа может возникнуть в результате пакта элит — то есть, исходя из нашей модели, тогда, когда элиты договариваются между собой о создании очень высоких издержек использования аппарата насилия в политической борьбе. Примеры возникновения стабильных демократических систем после заключения подобных пактов во многих странах (от Испании до Польши) показывают, что межэлитные договоренности позволяют преодолеть эффект блокировки. Однако данный сценарий реален только при достижении необходимых пороговых условий — то есть при уже достаточно низких барьерах для политических и экономических организаций.

Приложение

Таблица 1

Изменения барьеров для экономических и политических организаций в России за последние два века

Эпоха	Изменения барьеров для политических организаций	Изменения барьеров для экономических организаций
1801–1809	<i>Снижение:</i> формализация системы государственного управления	<i>Снижение:</i> реформа образования, Указ о вольных хлебопашцах, легальный статус акционерных обществ
1809–1825	<i>Без изменений</i>	
1825–1848	<i>Увеличение:</i> формирование Третьего отделения, отмена польской конституции, усиление цензуры	<i>Увеличение:</i> ограничение доступа крепостных к образованию, рост бюрократизма и уровня коррупции <i>Снижение:</i> рост прав государственных крестьян
1848–1855	<i>Увеличение:</i> «мрачное семилетие»	<i>Без изменений</i>
1855–1866	<i>Снижение:</i> Великие реформы Александра II	<i>Снижение:</i> Великие реформы Александра II
1866–1881	<i>Снижение:</i> городская реформа, в остальном приостановка реформ	<i>Без изменений</i>
1881–1905	<i>Увеличение:</i> контрреформы Александра III	<i>Увеличение:</i> контрреформы Александра III, рост протекционизма, алкогольная рента
1905–1907	<i>Снижение:</i> Манифест 17 октября	<i>Снижение:</i> Манифест 17 октября, земельная реформа
1907–1916	<i>Увеличение:</i> переворот 3 (16) июня 1907 г.	<i>Без изменений</i>
1917	<i>Снижение:</i> установление республики, отмена цензуры.	<i>Без изменений</i>
1918–1922	Распад государственности, формирование хрупкого порядка ограниченного доступа, в котором жизнеспособность организации связана с её потенциалом насилия.	
1922–1929	<i>Снижение:</i> возвращение монополии на насилие государству, внутрипартийные дискуссии, снижение темпов репрессии	<i>Снижение:</i> НЭП, концессии
1929–1953	<i>Увеличение:</i> установление единоличной власти Сталина, рост уровня репрессий	<i>Увеличение:</i> запрет частного предпринимательства, коллективизация
1953–1968	<i>Снижение:</i> оттепель, амнистия и частичная реабилитация репрессированных	<i>Снижение:</i> реформы А.Н. Косыгина
1968–1985	<i>Увеличение:</i> застой, репрессии против диссидентов	<i>Увеличение:</i> сворачивание реформ А.Н. Косыгина, появление нефтяной ренты
1985–1991	<i>Снижение:</i> перестройка, отмена цензуры, возвращение конкурентных выборов	<i>Снижение:</i> снижение запретов на частное предпринимательство
1991–1993	<i>Снижение:</i> всенародные выборы руководства, падение однопартийной системы	<i>Снижение:</i> реформы Е.Т. Гайдара
1993–2000	<i>Увеличение:</i> расстрел парламента, установление суперпрезидентской системы	<i>Увеличение:</i> формирование олигархических кланов и связей между властью и собственностью

Источник: собственные расчёты авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А.А. (2007). «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 54–60.
- Корнейчук Б.В. (2016). «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // *Terra Economicus* T. 14. № 1. С. 78–87.
- Миронов Б.Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. СПб: Изд. Дмитрий Буланин.
- Нуреев Р.М. (2010). Россия после кризиса: эффект колеи // *Journal of Institutional Studies*. №2. С. 7–26.
- Олейник А.Н. (2011). Преемственность и изменчивость преобладающей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // *Общественные науки и современность*. №1. С. 52–66.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство.
- Полтерович В.М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. №3. С. 5–16.
- Румянцев В.О. (2014). Борьба идей при подготовке земской реформы 1864 года // *Проблемы законности*. №127. С. 3–12.
- Ясин Е.Г. (2001). Модернизация российской экономики: что в повестке дня // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 5. №2. С. 157–178.
- Abad L.A., Maurer N. (2021). History Never Really Says Goodbye: A Critical Review of the Persistence Literature // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 31–68.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2019). *The narrow corridor: states, societies, and the fate of liberty*. New York: Penguin Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). *Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework*. Working Paper No. 28832. May / NBER.
- Bednar J., Jones-Rooy A., Page S.E. (2015). Choosing a future based on the past: Institutions, behavior, and path dependence // *European Journal of Political Economy*. No. 40. Pp. 312–332.
- Bednar J., Page S.E. (2018). When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence // *American Political Science Review*. No. 112. Pp. 82–98.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S*, Tsyvinski A. (2017). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // *The Review of Economic Studies*. Vol. 84. No. 2. Pp. 613–649.
- David P. A. (1985). Clio and the economics of qwerty // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. Pp. 332–337.
- David P.A. (1994). Why are institutions the „carriers of history“?: Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions. // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 5. No. 2. Pp. 205–220.
- Deeg R. (2001). Institutional change and the uses and limits of path dependency: the case of German finance // MPIfG Discussion Paper. No. 01/6.
- Ebbinghaus B. (2009). Can path dependence explain institutional change? Two approaches applied to welfare state reform. // *The Evolution of Path Dependence / L. Magnusson & J. Ottosson (eds.)*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Pp. 191–218.
- Fogel R.W., Engerman S.L. (1974). *Time on the Cross*. New York: W.W. Norton & Company.
- Gel'man V., Travin D., Marganiya O. (2014). *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Gerschenkron A. (1970). *Europe in the Russian mirror: four lectures in economic history*. London: Cambridge University Press.
- Hofstede G., Minkov M. (2013). *Cultures and organizations: software of the mind*. New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R., Baker W.E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. Pp. 19–51.
- Jedwab R. C., Johnson N.D., Koyama M. (2020). The Economic Impact of the Black Death // *CEPR Discussion Papers*. No. 15132.
- Kimball A. (1973). The First International and the Russian Obshchina // *Slavic Review*. Vol. 32. No. 3. Pp. 491–514.
- Liebowitz S.J., Margolis S. (1995). Path dependence, lock-in, and history // *Journal of Law, Economics, & Organization*. Vol. 11. No. 1. Pp. 205–26.
- Maddison A. (2008). *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*. URL: http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls
- Mahoney J., Thelen K. (2009). A theory of gradual institutional change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. J. Mahoney, K. Thelen (eds). — Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 1–37.
- Marichev S. (2020). The problem of Russia's socio-economic modernization and the «path dependence» effect // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 6. Pp. 5–24.
- Martin R., Sunley P. (2010). The place of path dependence in an evolutionary perspective on the economic landscape // *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Pp. 62–92.
- Mironov B.N. (2015). The Russian Revolution of 1917 as a By-Product of Modernization // *Russian Social Science Review*. Vol. 56. No. 1. Pp. 79–95.
- Morgan G., Kubo I. (2005). Beyond path dependency? Constructing new models for institutional change: the case of capital markets in Japan // *Socio-Economic Review*. No. 3. Pp. 55–82.

* Гурьев Сергей Маратович включен в реестр иностранных агентов 10.03.2023

- Navia P. (2009). From limited access to open access order in Chile, take two // *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. New York: Cambridge University Press. Pp. 261–292.
- North D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nonetti R.Y. (1994). *Making Democracy Work*. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Schneiberg M. (2007). What's on the path? Path dependence, organizational diversity and the problem of institutional change in the US economy, 1900–1950 // *Socio-Economic Review* Vol. 5. No. 1. Pp. 47–80.
- Schreyögg G., Sydow J. (2009). *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan.
- Schreyögg G., Sydow J. (2010). Understanding Institutional and Organizational Path Dependencies // *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan. Pp. 3–12.
- Vergne J.P., Durand R. (2010). The missing link between the theory and empirics of path dependence: Conceptual clarification, testability issue, and methodological implications // *Journal of Management Studies*. Vol. 47. No. 4. Pp. 736–59.
- Weyland K. (2008). Toward a New Theory of Institutional Change // *World Politics*. Vol. 60. No. 2. Pp. 281–314.
- You J. (2012). Transition from a Limited Access Order to an Open Access Order: The Case of South Korea by Jong-sung You // APSA 2012 Annual Meeting Paper.

Аузан Александр Александрович

auzan@inp.ru

Alexander Auzan

PhD, professor, dean of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

auzan@inp.ru

Лепетиков Ярослав Дмитриевич

yardlep@mail.ru

Yaroslav Lepetikov

PhD student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

yardlep@mail.ru

Ситкевич Даниил Андреевич

Sitkevich@iep.ru

Daniil Sitkevich

Research Fellow, Institute of National Projects (Moscow)

Sitkevich@iep.ru

TRACK AND PENDULUM: IMPACT OF THE PAST DEPENDENCE PROBLEM ON THE DYNAMICS OF INSTITUTIONAL CHANGE

Abstract. This paper aims to explain how the path dependence problem can influence the dynamics of institutional change. Over the past decades, the concept of the path dependence problem has become widespread in the economic literature, but how and why institutions can change without leaving the historical path remains a mystery. The article proposes a theoretical model that explains why a historical institutional environment, even if inefficient, is able to reproduce itself, and all attempts to change it take a form of a pendulum. This is because the institutions that restrict access to the economic and political market can be used by elites to extract rent, whereas institutions with open access can either reduce their income or increase the risk of losing power. At the same time, reducing the barrier for economic and political organizations independent from the elites leads to higher economic growth rates and lower spending on the apparatus of violence, resulting in a “pendulum effect” — the incentives to soften restrictions on independent organizations arise when these restrictions are tighter (due to the economic downturn and excessive government spending associated with high barriers), and vice versa. A full breakout from path dependence is possible in cases where citizens place more demand on open-access institutions and elites have incentives to reach an agreement among the elites to limit the use of violence. As an example of the “pendulum effect”, the article cites the last century of Russian Empire’s existence, in which long periods of reform (e.g., the beginning of Alexander II’s reign) led authorities to tighten the political regime because of the risk of losing power, and long periods of counter-reform (for example, the reign of Nicholas I) — led to economic and technological backwardness, as well as increased costs of suppression of the disaffected, which could be eliminated only with the help of a freer economic system, which led his heir on the path of reforms.

Keywords: *path dependence, path dependence problem, pendulum effect institutional transformation, limited access order, open access order, demand on institutions.*

JEL: E02, N13, O43.

REFERENCES

- Abad L.A., Maurer N. (2021). History Never Really Says Goodbye: A Critical Review of the Persistence Literature // *Journal of Historical Political Economy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 31–68.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2019). *The narrow corridor: states, societies, and the fate of liberty*. New York: Penguin Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- Auzan A.A. (2007). «Koleja» rossijskoj modernizacii [The «Track» of Russian Modernization] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 6. Pp. 54–60. (In Russ.).
- Bednar J., Jones-Rooy A., Page S.E. (2015). Choosing a future based on the past: Institutions, behavior, and path dependence // *European Journal of Political Economy*. No. 40. Pp. 312–332.
- Bednar J., Page S.E. (2018). When Order Affects Performance: Culture, Behavioral Spillovers, and Institutional Path Dependence // *American Political Science Review*. No. 112. Pp. 82–98.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S.*, Tsyvinski A. (2017). The Industrialization and Economic Development of Russia through the Lens of a Neoclassical Growth Model // *The Review of Economic Studies*. Vol. 84. No. 2. Pp. 613–649.
- David P.A. (1985). Clio and the economics of qwerty // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. Pp. 332–337.
- David P.A. (1994). Why are institutions the «carriers of history»? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 5. No. 2. Pp. 205–220.
- Deeg R. (2001). Institutional change and the uses and limits of path dependency: the case of German finance // *MPIfG Discussion Paper*. No. 01/6.
- Ebbinghaus B. (2009). Can path dependence explain institutional change? Two approaches applied to welfare state reform // *The Evolution of Path Dependence*. L. Magnusson & J. Ottosson (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Pp. 191–218.
- Fogel R.W., Engerman S.L. (1974). *Time on the Cross*. New York: W.W. Norton & Company.
- Gel'man V., Travin D., Marganiya O. (2014). *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Gerschenkron A. (1970). *Europe in the Russian mirror: four lectures in economic history*. London: Cambridge University Press.
- Hofstede G., Minkov M. (2013). *Cultures and organizations: software of the mind*. New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R., Baker W.E. (2000). Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. Pp. 19–51.
- Jasin E.G. (2001). Modernizacija rossijskoj jekonomiki: chto v povestke dnja [Modernizing the Russian Economy: What's on the Agenda] // *Jekonomicheskij zhurnal VShJe*. Vol. 5. No. 2. Pp. 157–178. (In Russ.).
- Jedwab R.C., Johnson N.D., Koyama M. (2020). The Economic Impact of the Black Death. *CEPR Discussion Papers*. No. 15132.
- Kimball A. (1973). The First International and the Russian Obshchina // *Slavic Review*. Vol. 32. No. 3. Pp. 491–514.
- Kornejchuk B.V. (2016). «Jeffekt kolei» v kontekste evoljucionnoj teorii jekonomicheskikh izmenenij. [Path Dependence in the Context of the Evolutionary Theory of Economic Change] // *Terra Economicus*. Vol. 14. No. 1. Pp. 78–87. (In Russ.).
- Liebowitz S. J., Margolis S. (1995) Path dependence, lock-in, and history // *Journal of Law, Economics, & Organization*. Vol. 11. No. 1. Pp. 205–26.
- Maddison A. (2008). *Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD*. http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_02-2010.xls.
- Mahoney J., Thelen K. (2009). A theory of gradual institutional change // *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. J. Mahoney, K. Thelen (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 1–37.
- Marichev S. (2020). The problem of Russia's socio-economic modernization and the «path dependence» effect // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 6. Pp. 5–24.
- Martin R., Sunley P. (2010). The place of path dependence in an evolutionary perspective on the economic landscape // *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Pp. 62–92.
- Mironov B.N. (2015). The Russian Revolution of 1917 as a By-Product of Modernization // *Russian Social Science Review*. Vol. 56. No. 1. Pp. 79–95.
- Mironov B.N. (2003). *Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.) v 2 t.* [Social History of Russia during the Empire Period (XVIIIth — early XXth century) in 2 vol.]. SPb: Izd. Dmitrij Bulanin. (In Russ.).
- Morgan G., Kubo I. (2005). Beyond path dependency? Constructing new models for institutional change: the case of capital markets in Japan // *Socio-Economic Review*. No. 3. Pp. 55–82. (In Russ.).
- Navia P. (2009). From limited access to open access order in Chile, take two // *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*. New York: Cambridge University Press. Pp. 261–292.
- North D.C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nureev R.M. (2010). Rossiya posle krizisa: jeffekt kolei [Russia after the crisis: path dependence] // *Journal of Institutional Studies*. No. 2. Pp. 7–26. (In Russ.).
- Olejnuk A. N. (2011). Preemstvennost' i izmenchivost' prevailirujushhej modeli vlasti: «jeffekt kolei» v rossijskoj istorii [Continuity and variability of the prevailing model of power: the “path dependence problem” in Russian history]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. No.1. Pp. 52–66. (In Russ.).
- Olson M. (2012). *Vlast' i prosvetanie. Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships]. M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2004). Institucional'nye lovushki: est' li vyhod? [Institutional traps: is there a way out?] // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Putnam R.D., Leonardi R., Nonetti R.Y. (1994). *Making Democracy Work*. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Rumjancev V.O. (2014). Bor'ba idej pri podgotovke zemskoj reformy 1864 goda [The struggle of ideas in the preparation of the Zemstvo reform of 1864] // *Problemy zakonnosti*. No. 127. Pp. 3–12. (In Russ.).
- Schneiberg M. (2007). What's on the path? Path dependence, organizational diversity and the problem of institutional change in the US economy, 1900–1950 // *Socio-Economic Review*. Vol. 5. No. 1. Pp. 47–80.
- Schreyögg G., Sydow J. (2009). *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan.
- Schreyögg G., Sydow J. (2010). Understanding Institutional and Organizational Path Dependencies // *The Hidden Dynamics of Path Dependence*. London: Palgrave-Macmillan. Pp. 3–12.
- Vergne J.P., Durand R. (2010). The missing link between the theory and empirics of path dependence: Conceptual clarification, testability issue, and methodological implications // *Journal of Management Studies*. Vol. 47. No. 4. Pp. 736–59.
- Weyland K. (2008). Toward a New Theory of Institutional Change // *World Politics*. Vol. 60. No. 2. Pp. 281–314.
- You J. (2012). Transition from a Limited Access Order to an Open Access Order: The Case of South Korea by Jong-sung You // *APSA 2012 Annual Meeting Paper*.